

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.7

В. А. Ачкасов

**СТАНЕТ ЛИ ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ
«УЛУЧШЕННОЙ ВЕРСИЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА»?**

Статья посвящена анализу трудностей и препятствий на пути осуществления проекта Евразийского экономического союза (проблем лидерства в союзе, стартовых позиций, внешних условий, эффективности институтов, сложившейся разнонаправленности внешних экономических интересов, угрозы подъема этнического национализма и исламского фундаментализма, наркотрафика, конкуренции с Китаем). В результате автор приходит к выводу, что у России нет альтернативы: чтобы оставаться значимым актором международных отношений, она должна строить свой «полюс силы» на постсоветском пространстве. Поэтому отказ от интеграционного проекта в условиях нарастающих внутренних и внешних угроз контрпродуктивен как для России, так и для других стран ЕАЭС. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, лидерство, экономические интересы, институты, этнический национализм, исламский фундаментализм, Китай, Европейский союз.

V. A. Achkasov

**WILL THE EURASIAN ECONOMIC UNION BECOME
“AN IMPROVED VERSION OF THE EUROPEAN UNION”?**

This article analyzes the difficulties and obstacles to the implementation of the project of the Eurasian Economic Union (issues: leadership in the union, starting positions, the external conditions, the effectiveness of institutions, the current multi-directional foreign economic interests, the threat of rise of ethnic nationalism and Islamic fundamentalism, drug trafficking, competition from China). As a result, the author comes to the conclusion that Russia has no other alternative. In order to remain the position of an important actor in international relations, Russian Federation has to build its own «pole of power» in the post-Soviet space. Therefore, the rejection of the integration project in terms of increasing internal and external threats counterproductive both for Russia and for other countries of the EAEU. Refs 16.

Keywords: Eurasian Economic Union, leadership, economic interests, institutions, ethnic nationalism, Islamic fundamentalism, China, the European Union.

Еще в октябре 2011 г. в «Известиях» была опубликована предвыборная статья В. В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», где был предложен проект для стран СНГ по объединению их

Ачкасов Валерий Алексеевич — доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; val-achkasov@yandex.ru

Achkasov Valeriy A. — Doctor of Political Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; val-achkasov@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

экономических потенциалов путем создания Таможенного союза, зоны свободной торговли и, возможно, единой валюты в рамках Евразийского союза. Суть проекта выражена следующими словами: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [1]. Стратегической целью данного проекта провозглашалось создание общего рынка от Атлантического до Тихого океана. При этом новый интеграционный проект предлагался как «улучшенная версия Европейского союза», так как перед глазами его инициаторов есть опыт ЕС, что может позволить России, Белоруссии, Казахстану и другим участникам союза, как утверждается, избежать многих ошибок. Еще одним преимуществом объявляется то, что в интеграционном объединении есть бесспорный лидер — Россия, а это якобы дает возможность эффективнее решать спорные вопросы.

Однако насколько возможно достижение заявленной цели — стать «улучшенной версией Европейского союза» и превратить Евразийский экономический союз в новый мировой полюс силы?

Проведем для ответа на этот вопрос достаточно беглое сравнение некоторых параметров двух интеграционных группировок: ЕС и ЕАЭС. Оно вполне возможно, поскольку речь идет о наднациональных политических системах сходных масштабов, которые имеют одну важную общую политическую особенность — использование в практике управления принципа управления «элитным картелем» (М. В. Стрежнева).

1. Лидерство. Начнем с выяснения вопроса, действительно ли лидерство одной страны в интеграционной группировке — это достоинство? Если посмотреть на опыт ЕС, то это явно не так, достаточно вспомнить, с каким подозрением и опаской отнеслись к объединению Германии лидеры Франции и Великобритании, Маргарет Тэтчер даже обращалась к Михаилу Горбачеву с просьбой воспрепятствовать осуществлению этого проекта. И сегодня экономическое лидерство Германии регулярно вызывает обвинения со стороны партнеров по ЕС в навязывании немецких интересов всему Европейскому союзу.

Можно также вспомнить, что жизнь Таможенного союза началась с российско-белорусской «нефтяной войны». Соглашение о создании союза вступило в силу 1 января 2010 г., а 3 января начался конфликт по поводу льготных пошлин на поставляемую в Белоруссию российскую нефть. Не случайно эксперты отмечают сегодня, что задачей ЕАЭС в условиях санкций против России будет протекционизм и импортозамещение (К. Коктыш), т. е. задачи, наиболее актуальные для России, а не для других участников союза. Поэтому правы скорее те исследователи, которые утверждают, что «управляющим структурам интеграционных систем важно уйти от принципов игры с нулевой суммой, когда любые приобретения на наднациональном уровне равны потерям государства в процессе неравноправной интеграции. Особенно высока опасность реализации такой модели в моноцентричных интеграционных системах с неравновесной экономикой стран-участниц при доминировании одного игрока. Сегодня тенденция к моноцентричности проявляется как минимум в трех современных интеграционных системах — НАФТА, МЕРКОСУР и ЕАЭС, в которых лидирующие позиции принадлежат, соответственно, США, Бразилии и России» [2, с. 180].

2. Стартовые позиции. Здесь, казалось бы, много общего между ЕЭС и ЕАЭС. В 1957 г. договор о создании Европейского экономического сообщества подписали шесть стран с примерно равным уровнем экономического развития. Тройка стран, создавших ЕАЭС, также имеет сопоставимый уровень экономических показателей: так, по данным МВФ, в 2014 г. показатель ВВП на душу населения России был равен 24 805 долл. (49-е место в общемировом рейтинге); Казахстана — 24 020 (51-е место) и Беларуси — 18 161 (64-е место). Однако принятие в ЕС в 2004 г. посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы резко усилило экономический разрыв между членами Союза и поставило на повестку дня сложнейшую задачу интеграции новых государств-членов в «единую Европу», которая не решена и сегодня. Не случайно практически все эксперты писали о том, что решение о расширении ЕС на Восток определялось исключительно политическими аргументами. И что же? Россия, Беларусь и Казахстан, видимо, учитывая ошибки ЕС, идут по тому же пути — принимают в ЕАЭС Кыргызстан, одну из беднейших и политически нестабильных стран постсоветского пространства (ВВП на душу населения — 3361 долл.), и Армению (ВВП на душу населения — 7374 долл.), которая не имеет с другими странами ЕАЭС общей границы, исходя из тех же, несомненно важных, геополитических интересов, но создавая тем самым дополнительные трудности и проблемы в экономическом развитии и интеграционном строительстве. Как считают российские эксперты, «прежде чем санкционировать вступление в союз новых членов, странам-участницам следовало бы реализовать в его рамках хотя бы несколько крупных совместных проектов, обеспечить стыковку собственных интересов, адаптировать нормы национального законодательства к новым условиям их существования. В противном случае ЕАЭС рискует повторить судьбу ЕврАзЭС: объединить участников с принципиально разным уровнем социально-экономического развития, не переварить масштабы своего расширения и погрузиться в кризис, вызванный его общей неэффективностью» [3, с. 76]. Пока же, согласно отчету, размещенному на сайте Евразийской экономической комиссии, объем взаимной и внешней торговли государств — членов ЕАЭС в январе-феврале 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. сократился на 31,1 и 29,8 % соответственно [4]. Спад во взаимной торговле продолжился и в 2016 г. Конечно, основной причиной этого стали как падение курса российского рубля, вызванное падением цен на нефть (по мнению некоторых экспертов, специально спровоцированное), так и негативные следствия экономических санкций, введенных странами Запада против России, что неминуемо отразилось не только на государствах — членах ЕАЭС, но и на странах постсоветского пространства, основной торговый оборот которых связан с Россией.

3. Внешние условия. Экономики стран, которые объединялись в ЕЭС в 1957 г., были на подъеме, к объединению подталкивала и холодная война между Западом и Востоком (не случайно интеграционный проект активно поддерживали Соединенные Штаты). Кроме того, впереди у них было еще 15 лет бескризисного экономического роста. Экономики стран ЕАЭС сегодня находятся в кризисе, усугубленном экономическими санкциями стран Запада в отношении России. При этом надо учитывать полное неприятие Соединенными Штатами создания любых интеграционных объединений на постсоветском пространстве. Негативное отношение Запада к евразийскому интеграционному проекту было продекларировано еще на стадии

его обсуждения, когда госсекретарь США Хиллари Клинтон прямо заявила: «США постараются не допустить воссоздания Советского Союза в новой версии под вывеской экономической интеграции. Сейчас делаются усилия по ресоветизации региона. Это будет называться по-другому — Таможенным союзом, Евразийским союзом или еще как-нибудь в этом роде. Но не будем обманываться на этот счет — мы знаем, какова истинная цель, и пытаемся найти эффективные способы замедлить и предотвратить это» [5]. Этим, в частности, вызваны сверхусилия, предпринимаемые государствами Запада с целью отрыва Украины от России. Однако основной способ предотвращения консолидации евразийского пространства был сформулирован в «доктрине Обамы», предусматривающей формирование двух гигантских экономических блоков — Трансатлантического и Транстихоокеанского — под эгидой США. Доктрина была реализована в проектах Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) и Тихоокеанского торгового партнерства (ТТП). Американцы особо подчеркивают, что успешная реализация ТТИП как инициативы государств, придерживающихся общих демократических ценностей, позволит существенно усилить западные экономики, прежде всего перед лицом подъема экономической роли государств БРИКС, и повысить привлекательность западной модели экономического и политического развития. Однако некоторые эксперты считают, что геополитические последствия реализации ТТИП, направленные на формирование более тесного и закрытого экономического альянса стран Запада, нацеленного на защиту своего привилегированного положения в мировой экономике, могут иметь в качестве следствия сплочение стран БРИКС. Можно также отметить, что новый президент США Дональд Трамп достаточно скептически оценивает этот проект.

В качестве альтернативы проекту ТТИП Россия предложила экономическую интеграцию ЕС и ЕАЭС и формирование общего экономического пространства. Как не раз подчеркивалось российской стороной, Евразийский экономический союз создается не против Европейского союза, а в развитие интеграционных процессов в Евразии. Российские эксперты говорят о том, что в случае успешного подписания соглашения по созданию ТТИП между США и Евросоюзом для России будет еще более усложнен доступ к европейскому рынку, а российский бизнес лишится инвестиций. Осознаются и определенные риски реализации этого проекта для самого Евросоюза, о чем говорят протесты в странах ЕС, и особенно в Германии, против ТТИП. По мнению некоторых экспертов, реализация американского проекта таит в себе больше экономических потерь, чем выгод для стран ЕС: «Заключение ТТИП может привести к потере более 600 тыс. рабочих мест в Европе, а также будет способствовать снижению социальных стандартов, что будет на руку только американцам, которые продолжают продвигать собственные интересы во всех регионах Европы» [6]. Тем не менее предложенная Россией альтернатива не получила поддержки у лидеров стран ЕС.

В свою очередь проект Транстихоокеанского партнерства предполагает формирование многостороннего соглашения о свободной торговле с рядом государств Азиатско-Тихоокеанского региона. В переговорах участвовали 12 стран, в частности Япония, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Таиланд. Проект исключает из процесса экономической интеграции Китай, Бразилию, Индию и Россию, т. е. государства БРИКС. В рамках реализации американской стратегии «Поворот к Азии» ТТП,

во-первых, призван укрепить связи Соединенных Штатов с союзниками в Восточной Азии и тем самым сохранить приемлемый для США баланс сил в АТР; во-вторых, внести раскол в процессы экономической интеграции в Азии и Евразии в целом. Так, в июне 2015 г. WikiLeaks были опубликованы документы, свидетельствующие о том, что одной из целей ТТП является противодействие усилению влияния на мировую экономику стран БРИКС. «Страны, входящие в БРИКС, не включены в переговорный процесс, и соглашение готовится втайне от них. Таким образом, истинная цель соглашения — увеличение давления на БРИКС и противодействие этой организации», — комментирует эти документы WikiLeaks [2, с. 176]. Тем не менее в октябре 2015 г. США и 11 стран тихоокеанского побережья достигли соглашения по договору о Транстихоокеанском торговом партнерстве.

Таким образом, Соединенные Штаты и их европейские союзники фактически подтолкнули Россию к повороту от идеи «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока» к идее формирования «Большой Азии от Шанхая до Санкт-Петербурга» (Д. Тренин).

4. Институты. Первые шаги новой интеграционной группировки были такими же, как и в ЕЭС, — создание Таможенного союза, а затем зоны свободной торговли (правда, в гораздо более сжатые сроки), затем планируется осуществление общей экономической политики, формирование общего рынка товаров, услуг, труда и капитала и т. д. Однако для того, чтобы эти шаги дали ожидаемый экономический и социальный эффект, необходимы работающие наднациональные институты. Немало копий сломано по поводу неэффективности работы институтов ЕС, «дефицита демократии» в их функционировании. Тем не менее эксперты отмечают: «...на сегодняшний день в ЕС сложилась система институтов, которая позволяет принимать решения. Эта система без серьезных срывов функционирует в повседневном режиме, но дает сбои, когда необходимо принять решения быстро для предотвращения кризисных ситуаций. Это особенно ярко и регулярно проявляется при решении бюджетных вопросов или решений о совершенствовании экономического и валютного союза» [7, с. 96].

Институциональная система ЕАЭС гораздо проще, но у нее есть явные дефекты. *Первый:* практически все важные решения окончательно принимаются консенсусом Высшим евразийским экономическим советом, который собирается не реже одного раза в год. В свою очередь, Евразийская экономическая комиссия, состоящая из Совета Евразийской экономической комиссии и Коллегии Евразийской экономической комиссии и призванная осуществлять оперативное управление ЕАЭС, как и Евразийский экономический суд, не получили полномочий контроля над соблюдением принятых договоренностей. Так, если постановления ЕЭК не выполняются, спорный вопрос рассматривает Евразийский экономический суд, но решения суда имеют лишь рекомендательный характер, окончательно вопрос решается только на уровне Совета глав правительств. Не предусмотрено пока и создания парламентской ассамблеи ЕАЭС. *Второй:* важнейшая проблема по созданию единого финансового регулятора в области торговли энергоносителями, а также проблема изъятий и ограничений в торговле между членами союза не решены и отложены на неопределенный срок, нет у ЕАЭС и собственного бюджета. *Третий:* процесс разработки и принятия решений в рамках ЕАЭС полностью закрыт для общественности стран-членов (т. е. та же проблема «дефицита демократии»). «Вме-

сте с тем далекоидущие предложения о введении общего гражданства, об общей охране границ, общей внешней политике, межпарламентском сотрудничестве, экспортном контроле и т. п. не получили поддержки. Не предусматривается создание наднациональных структур, что всегда вызывало возражение стран — участниц интеграционного объединения, не желавших поступаться даже небольшой частью суверенитета» [8, с. 23].

5. Разнонаправленность внешних экономических интересов. Если государства-члены ЕС в экономических и торговых связях ориентированы прежде всего вовнутрь союза, то государства-члены Евразийского экономического союза за прошедшие с развала СССР годы развивали и углубляли экономические и торговые связи прежде всего с Европой и Китаем. ЕС сегодня является главным торговым партнером России, Казахстана и Армении, в то время как Китай — основной торговый партнер Киргизии. Эксперты в связи с этим высказывают сомнение в том, что введение импортных пошлин и переориентация торговых связей принесут быструю экономическую выгоду членам союза. В результате Казахстан во внешней политике ориентируется одновременно на Россию, Евросоюз (ЕС является вторым торговым партнером Казахстана после России), США и Китай. Киргизия сформулировала концепцию «дипломатии шелкового пути», отводящую ей роль транзитного государства между Китаем, Россией и Европой. Высока активность Казахстана и Киргизии и в Совете сотрудничества тюркоязычных государств, созданном под патронажем Турции. Армения и после вступления в ЕАЭС продолжала политический диалог с Евросоюзом, претендуя на роль посредника между ЕС и ЕАЭС. Результатом этого диалога было намерение подписать политическое соглашение об ассоциации Армении с ЕС, в конце концов Армении пришлось сделать выбор между ЕС и ЕАЭС. Однако в стране существует влиятельная оппозиция сближению Армении с Россией. На роль посредника между ЕАЭС и ЕС претендует и Беларусь, лидер которой стремится использовать выгоды одновременно и от сближения с ЕС, и от интеграции с Россией. По заявлению первого заместителя министра иностранных дел Белоруссии А. Ю. Михневича, «белорусы сознательно и ответственно рассматривают перспективы сближения между недавно созданным Евразийским экономическим союзом и Евросоюзом и готовы максимально вкладываться в этот процесс» [6].

6. Подъем национализма. В противовес предлагаемому Россией проекту евразийской экономической интеграции, элитами и контрэлитами ряда постсоветских государств утверждается идея этнонационализма как условия развития и процветания постсоветских государств, сохранения идентичности или самобытности «государствообразующих» этнонаций как высшей ценности, которой должны быть подчинены интересы всех остальных этнических групп.

Так, в публичном дискурсе Киргизии:

- широко представлены следующие темы: «духовный Чернобыль» и «манкуртизм», геноцид киргизов 1916 г.;
- актуально деление на «настоящих» и «ненастоящих» граждан — кыргызов и киргизов; при этом «ненастоящие» не имеют права претендовать на участие в принятии политических решений;
- вопросы правописания (Киргизская/Кыргызская Республика) приобретают жесткий политический контекст;

- языковая политика направлена на снижение статуса и ограничение сфер использования русского языка;
- история преимущественно излагается в антирусском и антироссийском контексте;
- пропагандируется утверждение, что Великая Отечественная война — «не наша война»;
- используются унижительные ярлыки: «Торможенный союз», «Расистская Федерация» и др.

В публичных нарративах зачастую «кыргызское общество предстает в виде жертвы различных внешних сил, которые пытаются подчинить себе Кыргызстан, навязать ему “чуждые” правила или даже полностью разрушить» [9, с. 44].

В информационном поле Казахстана также «слышен» голос прозападной и националистической оппозиции, которая работает над формированием негативного образа России как империи, которая посредством ЕАЭС стремится повторно колонизировать Казахстан.

Следует помнить, что в ближайшие годы неизбежно начнется смена поколений центральноазиатской элиты, и потому произойдут ее качественные изменения, связанные с уходом когорты лидеров, получившей образование и профессиональный опыт во времена Советского Союза. Им на смену идет национально ориентированное поколение политиков, прошедшее социализацию в период подъема этнического национализма и исламского фундаментализма, радикального пересмотра истории своих стран в антирусском и антироссийском духе. «...В условиях полного нежелания властей идти на какие-либо контакты с представителями активно создававшегося здесь при поддержке США и Евросоюза гражданского общества все это способно лишь ненадолго отсрочить смену власти. Большинство представителей новой элиты — перспективных политических деятелей — сформировано не в России и уже прошло “обкатку” в условиях “оранжевых революций”, в том числе и на киргизской земле», — отмечает российский эксперт [10, с. 7].

7. Угроза радикального ислама. В Европейском союзе нет ни одной мусульманской страны, и одна из причин того, что Турцию не принимают в состав единой Европы, состоит именно в том, что это мусульманское государство. Как отмечает Ф. Лукьянов, «к концу 2000-х годов стало очевидным то, что никто не готов произнести вслух: Турцию не примут (в ЕС. — В. А.) не из-за недостатка демократии, а из-за избытка мусульман. Восьмидесятимиллионная мусульманская держава внутри Европейского союза с соответствующими правами и возможностями была едва ли представима и раньше, но растущий страх перед исламом в Западной Европе окончательно закрыл такую возможность» [11, с. 80]. Тем более что Евросоюз стоит сегодня перед опаснейшим вызовом со стороны исламского экстремизма и терроризма, причем вызовом внутренним. В свою очередь, из четырех стран ЕАЭС две — мусульманские, в том числе Кыргызстан — политически нестабильная бедная страна с влиятельным исламским экстремистским подпольем. Авторы доклада «Зов Сирии: радикализация в Центральной Азии»¹, опубликованного 20 января 2015 г., считают, что ситуация в регионе стремительно ухудшается, поскольку к «Исламскому государству» присоединилось Исламское движение Узбекистана.

¹ Доклад подготовлен «Международной кризисной группой» — брюссельской некоммерческой организацией, занимающейся мониторингом проблемных регионов.

Его цель — создание исламского государства на территории Ферганской долины, поделенной между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией [12]. Смерть президента Узбекистана Ислама Каримова создала ситуацию политической неопределенности, возможным следствием которой может стать рост влияния и поддержки исламских фундаменталистов. В свою очередь, источники журнала «Iranian Diplomacy» сообщили: «Сейчас на таджикской границе располагаются до пяти тысяч, а на туркменской — порядка двух тысяч боевиков ИГ. Афганские провинции Кундуз, Баглан, Сари-Пуль, Фарьяб, Джузджан стали местом скопления террористов родом из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Северного Кавказа, Саудовской Аравии и Пакистана» [13]. Поэтому для защиты Евразийского экономического союза необходимо повышать эффективность сотрудничества не только экономического, но и военно-технического и прежде всего укреплять границы государств Центральной Азии.

8. Наркоторговля. Через Киргизию и другие страны Центральной Азии идет наркотрафик из Афганистана — источник огромных нелегальных доходов для всех, кто к нему причастен. Конечно, они распределяются крайне неравномерно. Однако массы «пролетариев наркобизнеса» «объективно не могут не сочувствовать наркодельцам, видя в их, своей или своих родственников нелегальной деятельности единственный источник существования. Одновременно этот слой является и наиболее взрывоопасным. С одной стороны, он воспринимает попытки государства искоренить наркобизнес как посягательство на основы своего жизнеобеспечения. Лидерам наркобизнеса легко направить возмущение населения наркотранзитных и наркопроизводящих районов против правительств и спровоцировать подобие нарко- или “цветных” “революций”. ... “Тюльпанной” или “маковой” в этом смысле была “майданная революция” 2005 г. в Бишкеке? Некоторые аналитики полагают, что на ее эмблеме было уместно поместить оба цветка» [8, с. 27–28, 31].

9. Фактор Китая. Китай крайне заинтересован в получении энергоресурсов из государств ЕАЭС и в рынках сбыта для своей готовой продукции (92 % в китайском экспорте в страны Центральной Азии составляет готовая продукция, при этом более 90 % импорта из Центральной Азии занимает сырье). «Китай увидел в ЕАЭС возможность реализовать зону свободной торговли, которая создала бы экономические преимущества Китаю. Пекин выступал с предложениями о создании “экономической полосы” на всем протяжении Великого шелкового пути. “Полоса” предусматривает соглашения о транспортном сообщении и создании коридора от Тихого океана до Балтики. В экономическую зону попадут более трех миллиардов человек, и ограничения для продвижения товаров и потока инвестиций планируются минимальные...» [8, с. 23–24]. В свою очередь, односторонние действия Пекина по усилению своих позиций в Центральной Азии могут осложнить его углубляющееся партнерство с Россией, поскольку между странами объективно растет конкуренция за рынки и политическое влияние в регионе, а китайская сторона психологически готова использовать российские затруднения в своих интересах. Так, по свидетельству российских участников переговоров, после введения западных санкций в отношении Российской Федерации китайские позиции на переговорах по газовому контракту сразу же стали жесткими, а представители Поднебесной — надменными. В связи с этим вспомнили слова Дэн Сяопина, обращенные к послу России в КНР: «Если вы будете сильны, мы удержимся в своих

границах. Но если вы будете слабы — нам (будет) трудно избежать искушения» (цит. по: [14, с. 8]). Более того, как считает британский политолог Р. Саква, «идеи евразийской интеграции (ЕС — ЕАЭС. — В. А.) затмеваются усиливающимися связями с Китаем и мощной динамикой “Большой Азии”, в пространство которой рискуют отойти Россия и Евразийский союз» [15, с. 24–25]. Действительно, глубокий кризис в отношениях со странами Запада подтолкнул Россию на «Восток»: Китай и Россия на официальном уровне договорились о состыковке проекта Евразийского экономического союза и проекта «Экономический пояс Шелкового пути». В мае 2015 г. президент России В. В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути».

Таким образом, даже этот беглый и неполный обзор показывает, какие многообразные препятствия и трудности встают на пути евразийской интеграции, что ставит под сомнение возможность построения на евразийском пространстве «улучшенного варианта Евросоюза», по крайней мере в среднесрочной перспективе. Как резонно отмечает сотрудник Института стран СНГ МИД России А. Мигранян, «членство в Евразийском экономическом союзе не решает экономические проблемы ни России, ни Казахстана, ни Беларуси, ни Армении. Оно является окном возможностей» [16, с. 93]. Однако необходимо признать, что у России нет альтернативы. Для того чтобы оставаться значимым актором международных отношений, она должна строить свой «полюс силы» на постсоветском пространстве. Поэтому отказ от интеграционного проекта в условиях нарастающих внутренних и внешних угроз контрпродуктивен как для России, так и для других стран ЕАЭС.

В то же время необходимо восстанавливать партнерские отношения с объединенной Европой, поскольку конец сотрудничества России с Европой не выгоден ни той ни другой стороне. Для России это будет означать вытеснение ее на периферию мировой политики и резкое уменьшение шансов на уход от сырьевой «специализации» и успешную модернизацию экономики.

В свою очередь, для Европейского союза отказ от тесного экономического сотрудничества и политическая конфронтация в отношениях с Россией означают фактический крах большого европейского проекта, который без органичного, равноправного и стабильного включения в него России всегда будет выглядеть незавершенным и приведет к дальнейшему снижению политической и экономической роли Европы в мире. Более того, как утверждает Р. Саква, «разрушение видения единого континента привело к планам по консолидации НАТО как традиционного инструмента по сдерживанию России, сопровождаемым ярким продвижением Трансатлантического инвестиционного и торгового партнерства, и олицетворяет не меньше, чем смерть ЕС как нормативного проекта мира и благосостояния» [15, с. 24]. Несомненно, что в какой-то отдаленной перспективе отношения ЕС и ЕАЭС будут восстановлены и обеим сторонам придется разрабатывать новую стратегию взаимоотношений, однако в принципиально иной геополитической ситуации и на иных основаниях.

Литература

1. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3 октября 2011.
2. Костин А. И., Изотов В. С. Глобальный кризис и интеграционные системы в зеркале мировой политики // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / под ред. А. И. Костина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2016. 304 с.
3. Новикова И. Н., Бурков В. Г., Мещераков К. Е. Политика России на постсоветском пространстве после возвращения Крыма: вызовы и приоритеты // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 71–79.
4. Об итогах внешней и взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. 2015. 15 апреля. URL: http://www.eurasiencommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/express/Feb2015.pdf (дата обращения: 23.09.2016).
5. Победа над Россией как антикризисный лозунг. URL: <http://krasvremya.ru/pobeda-nad-rossiej-kak-antikrizisnyj-lozung> (дата обращения: 12.05.2016).
6. Павловец Ю. Белоруссия может стать мостом между ЕАЭС и ЕС // Интернет-портал «Ритм Евразии». 2015. 10 апреля. URL: www.ritmeurasia.org/news—2015-04-10—belorussija-mozhet-stat-mostom-mezhdu-eaes-i-es-17470 (дата обращения: 23.09.2016).
7. Романова Т. А. Методология оценки политической эволюции Европейского союза // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2013. № 2. С. 80–100.
8. Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / под ред. А. Д. Богатурова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2014. 560 с.
9. Этничность религия в современных конфликтах / отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М.: Наука, 2012. 678 с.
10. Чернявский С. Мягкая сила России в Центральной Азии. Аналитическая записка. М.: МГИМО, 2012. 21 с.
11. Лукьянов Ф. Европа, которую мы еще не видели // Pro et Contra. 2012. № 1–2, январь — апрель. С. 68–82.
12. Зов Сирии: радикализация в Центральной Азии. URL: <http://www.crisisgroup.org> (дата обращения: 23.09.2016).
13. Центральная Азия как очаг активности экстремистов. URL: <http://www.inosmi.ru/irdiplomacy> (дата обращения: 23.09.2016).
14. Соллобов Ю. М. Преодоление «политического романтизма» // Самопознание. 2015. № 4. С. 5–11.
15. Саква Р. Украинский кризис и смерть Европы // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2014. № 4. С. 7–28.
16. Шаняевский А. Первостепенные задачи на пути эффективной интеграции Республики Армения в Евразийский экономический союз // 21-й век. Информационно-аналитический журнал. Ереван, 2015. № 3 (36). С. 82–96.

Для цитирования: Ачкасов В. А. Станет ли Евразийский экономический союз «улучшенной версией Европейского союза»? // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 4. С. 4–14. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.401

References

1. Putin V. Novyi integratsionnyi proekt dlia Evrazii — budushchee, kotoroe rozhdetsia segodnia [The new integration project for Eurasia — the future is born today]. *Izvestia*, October 3, 2011. (In Russian)
2. Kostin A. I., Izotov V. S. Global'nyi krizis i integratsionnye sistemy v zerkale mirovoi politiki [The global crisis and integration of the system in the mirror of the global crisis of civilization]. *Krizis tsivilizatsii v kontekste politicheskikh protsessov XXI veka*. Ed. by A. I. Kostin. Moscow, Moscow University Publishing, 2016. 304 p. (In Russian)
3. Novikova I. N., Burkov V. G., Meshcheriakov K. E. Politika Rossii na postsovetskom prostranstve posle vozvrashcheniia Kryma: vyzovy i prioritety [Russia's policy on post-Soviet territory after the return of the Crimea: Challenges and Priorities]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2015, no. 11, pp. 71–79. (In Russian)
4. Ob itogakh vneshnei i vzaimnoi torgovli tovarami Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuza [On the Results of foreign and mutual trade in goods of the Eurasian Economic Union]. *Evraziiskaia ekonomicheskaiia*

komissii. 2015. 15 aprelia [Eurasian Economic Commission. 2015 April 15]. Available at: http://www.eurasiencommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/express/Feb2015.pdf (accessed: 23.09.2016). (In Russian)

5. *Pobeda nad Rossiei kak antikrizisnyi lozung* [Victory over Russia as a crisis slogan]. Available at: <http://krasvremya.ru/pobeda-nad-rossiej-kak-antikrizisnyj-lozung> (accessed:12.05.2016). (In Russian)

6. Pavlovets Iu. Belorussiiia mozhet stat' mostom mezhdru EAES i ES [Belarus can become a bridge between the EU and the EAEC]. *Internet-portal «Ritm Evrazii»*. 2015. 10 aprelia [Rhythm of Eurasia, April 10, 2015]. Available at: www.ritm Eurasia.org/news—2015-04-10—belorussija-mozhet-stat-mostom-mezhdru-eaes-i-es-17470 (accessed: 23.09.2016). (In Russian)

7. Romanova T. A. Metodologiiia otsenki politicheskoi evoliutsii Evropeiskogo soiuz [Methodology for assessing the political evolution of the European Union]. *POLITEKS: Politicheskaiia ekspertiza*, 2013, no. 2, pp. 80–100. (In Russian)

8. *Mezhdunarodnye otnosheniia v Tsentral'noi Azii. Sobytiia i dokumenty* [International relations in Central Asia. Events and documents]. Ed. by A. D. Bogaturov. 2nd ed. Moscow, Aspect Press Publishing, 2014. 560 p. (In Russian)

9. *Etnichnost' religiiia v sovremennykh konfliktakh* [Ethnicity religion in modern conflicts]. Eds V. A. Tishkov, V. A. Shnirelman. Moscow, Nauka Publ., 2012. 678 p. (In Russian)

10. Cherniavskii S. *Miagkaia sila Rossii v Tsentral'noi Azii. Analiticheskaiia zapiska* [Russia's soft power in Central Asia. Analytic note]. Moscow, MGIMO Publishing, 2012. 21 p. (In Russian)

11. Luk'ianov F. Evropa, kotoruiu my eshche ne videli [Europe, which we have not seen]. *Pro et Contra*, 2012, no. 1–2, January — April, pp. 68–82. (In Russian)

12. *Zov Sirii: radikalizatsiia v Tsentral'noi Azii* [Call of Syria: radicalization in Central Asia]. Available at: <http://www.crisisgroup.org> (accessed 23.09.2016). (In Russian)

13. *Tsentral'naia Aziia kak ochag aktivnosti ekstremistov* [Central Asia as a hotbed of extremist activity]. Available at: <http://www.inosmi.ru/irdiplomacy> (accessed 23.09.2016). (In Russian)

14. Solozobov Iu. M. Preodolenie «politicheskogo romantizma» [Overcoming the “political romanticism”]. *Samopoznanie*, 2015, no. 4, pp. 5–11. (In Russian)

15. Sakva R. Ukrainskii krizis i smert' Evropy [Ukrainian crisis and the death of Europe]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 12. Political Science*, 2014, no. 4, pp. 7–28. (In Russian)

16. Shaniavskii A. Pervostepennye zadachi na puti effektivnoi integratsii Respubliki Armeniia v Evraziiskii ekonomicheskii soiuz [The overarching Shanyavsky RA effective integration tasks on the way to the Eurasian Economic Union]. *21-i vek. Informatsionno-analiticheskii zhurnal* [21st century. Information-analytical magazine]. Erevan, 2015, no. 3 (36), pp. 82–96. (In Russian)

For citation: Achkasov V. A. Will the Eurasian Economic Union Become “an Improved Version of the European Union”? *Vestnik SPbSU. Series 6. Political science. International relations*, 2016, issue 4, pp. 4–14. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.401

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2016 г.,
рекомендована в печать 19 октября 2016 г.